

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научно-
инновационной работе
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Кемеровский государственный
университет»

Е. А. Жидкова

«01» сентября 2026 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кемеровский государственный университет» о диссертации Манаевой Ирины Валерьевны «Стратегическая и речеактовая специфика мотивационного профсоюзного дискурса», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика»

Современный этап развития дискурсологии характеризуется повышенным интересом к институциональным видам коммуникации, особенно к тем, которые сочетают в себе элементы патерналистского воздействия и делиберативного взаимодействия. Профсоюзный дискурс, долгое время остававшийся на периферии лингвистического анализа, сегодня приобретает особую значимость в связи с возрождением профессиональных объединений и поиском эффективных стратегий мотивации их членов. Диссертация Манаевой И. В. вписывается в это актуальное направление, предлагая комплексный анализ стратегий и тактик, направленных на формирование «коллективного блага» через удовлетворение индивидуальных потребностей. Работа выполнена на стыке прагматической лингвистики, дискурсологии, теории речевых актов и психологии

мотивации, что соответствует современным междисциплинарным тенденциям.

Можно с уверенностью утверждать, что тематика диссертации органически вписывается в русло нескольких актуальных направлений современной лингвистики (дискурсологии, прагмалингвистики, теории речевых актов и лингвоперсонологии) и безусловно *актуальна*, а по охвату проблематики и языкового материала бесспорно нова. **Актуальность избранной темы** подтверждается включенностью рассматриваемой проблематики в общий круг исследований современного языкознания. В частности, обращение к функциональной прагматике стратегических, тактических и речеактовых альтернатив, обеспечивающих актуализацию идентитарных, мотивационных и потребностных сфер участников общения, определяет высокую научную и практическую востребованность работы.

Принимая в качестве **объекта исследования** мотивационный профсоюзный дискурс в его институциональной форме как коммуникативное пространство формирования и модификации потребностной сферы профессиональной личности, диссертант декларирует применение «интегративного подхода» как трансдисциплинарного (с. 11–12), однако четкое разграничение между собственно интегративным, междисциплинарным и трансдисциплинарным подходами в работе представлено недостаточно развернуто. Хотелось бы видеть более строгую операционализацию используемых методов на каждом этапе анализа.

Материал исследования, отобранный методом стратифицированной выборки на основе представленности ядерных вербализаторов мотивационного поля социумного институционального объединения, подробно описан во Введении с указанием количества исследуемых единиц для анализа каждого выделенного аспекта.

Солидная методологическая база исследования несомненно позволяет автору достичь заявленную **цель** (выявление функционально-прагматической специфики вариативного использования стратегий интенсификации

мотивационного эффекта, наиболее эффективных коммуникативных тактик их обеспечения и речевых актов на основе учета доминантной иллокуции институционального объединения), а также решить все сформулированные задачи. **Достоверность и обоснованность** полученных результатов подтверждается использованием доказанных в зарубежной и российской лингвистике положений, репрезентативной выборкой языкового материала, а также апробацией на международных и всероссийских конференциях и публикацией 11 научных работ (в том числе 4 статей в журналах из перечня ВАК РФ).

Сразу отметим, что работа логично выстроена и чётко структурирована, что отражается в предложенной последовательности решения задач.

На основании выполненных соискателем исследований:

– предложена систематизация средств профсоюзного мотивирования в единой модели, организованной вокруг ценностной доминанты «объединение». Автор показывает, как индивидуальные запросы включаются в представление о коллективном благе и получают выражение в обращениях, побуждениях, обещаниях, оценках и формах групповой самоидентификации;

– установлена и доказана роль лозунга как декларативно-перформативного средства мотивации, обладающего ретротопийной и протопийной направленностью.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

– представлено понимание персуазивности как конвергентного феномена влияния на коллективное сознание в позитивном ключе, что подтверждается модификацией и применением интегративного подхода к делимитации и стратификации жанровых дискурсивных формаций профсоюзного мотивационного дискурса. Исследование существенно расширяет понимание персуазивности как конвергентного феномена влияния на коллективное сознание в позитивном ключе;

– применительно к проблематике диссертации результативно использованы дискурсивно-модусный, контекстуальный и речеактовый анализ с автоматизированной обработкой текстов. Последовательность перехода от общей модели дискурса к языковым способам её реализации логична;

– описаны две группы тактик мотивации – импозитивные (дезиративная, эскалации коллективной значимости, интенсификации побуждения, коммуникативной фиксации, интеррогативная) и неимпозитивные (бенефактивной фиксации, экспликации вежливости, прямой апелляции, признаковой/деятельностной фокусировки, конститутивной фокусировки, прецедентной актуализации, метапрагматического контроля, апофтегмации);

– определен перечень наиболее эффективных и частотных речеактовых альтернатив в дискурсивном повышении мотивации; лозунговые формы интенсификации высших потребностей определены как декларативно-перформативные.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

– определены возможности использования результатов при разработке учебных курсов по дискурсологии, прагмалингвистике, теории речевых актов, а также в практической деятельности профсоюзных работников и спичрайтеров для повышения эффективности мотивационных выступлений.

– осуществлен опыт создания исследовательской картотеки, которая может стать основой для разработки и создания стратифицированного корпуса микроконтекстов мотивационного профсоюзного дискурса.

Личный вклад соискателя состоит в непосредственном участии на всех этапах процесса исследования, включающего получение исходных данных, самостоятельную обработку и интерпретацию языковых данных, апробацию результатов исследования, подготовку основных публикаций по

выполненной работе и участие в международных научно-практических конференциях.

Диссертант выносит на защиту пять положений.

Первое положение доказано в разделе 1.2 через описание критериальных признаков дискурса (интенциональное повышение коллективной значимости, асимметрия институционального когнитивного актива, коллективная фокусировка, митигативный характер импозитивной модификации) и обоснование его институциогенной природы (с. 26–27). Эмпирический материал второй главы подтверждает тезис о доминировании делиберативной модели. Однако постулирование «доминантной цели "объединение"» видится аксиоматичным. Хотя в эмпирической части эта доминанта подтверждается частотностью лексем, автор не рассматривает случаи, когда в профсоюзном дискурсе доминируют иные цели (например, конфронтация или бюрократическая отчётность), что могло бы усилить доказательность.

Положение 2, являющееся на наш взгляд наиболее сильным и содержательным, обосновано в разделе 1.2 и подтверждено в разделе 2.2 при анализе импозитивных и неимпозитивных стратегий. Автор убедительно показывает, что смягчение директивных высказываний реализует высокий мотивационный потенциал (с. 124–125) и предлагает дифференциальный набор признаков, который действительно отличает профсоюзный дискурс от смежных (например, политического или рекламного). Особо ценной является фиксация **«митигативного характера импозитивности»** – это принципиально важный нюанс, раскрывающий суть «мягкой силы» в институциональной коммуникации. Также удачна идея *динамики пространств целеполагания*, которая снимает статичность модели. Хотелось бы обратить внимание диссертанта, что декларируемый «высокий уровень формализации» не находит подтверждения, поскольку в тексте не приведено системного сопоставления формальных (канцелярских) и неформальных

элементов. В этой связи возникает вопрос: если в комментариях в соцсетях уровень формализации падает, то нарушается ли это положение?

Положение 3 доказано в разделе 2.2.1, где автор обосновывает отнесение дезиративной, эскалационной, интенсификационной, фиксационной и интеррогативной тактик к импозитивным на основе адресантной фокусировки (с. 101–123). Автор убедительно доказывает, что даже в «мягком» профсоюзном дискурсе есть жесткие тактики, и выделяет их. Эмпирический материал (особенно примеры с интеррогативами) хорошо иллюстрирует это положение. Данное положение вносит ясность в классификационную принадлежность тактики к импозитивной стратегии, четко проведена граница: если говорящий фокусируется на *своей* значимости или своем видении – это импозитив. Однако импозитивность рассматривается только как функция интенции продуцента без учета перлокутивной реакции адресата. В этой ситуации возникает вопрос: если реципиент *не* воспринимает действие как импозитивное, то остается ли тактика импозитивной? Этот прагматический нюанс остался за рамками анализа.

Положения 4 убедительно доказываются в разделе 2.2.2, где проанализированы восемь неимпозитивных тактик и показано, что их использование существенно повышает мотивационный ресурс профсоюзного дискурса (с. 124–162). Особого внимания заслуживает тактика бенефактивной фиксации, экспликации позитивной/негативной вежливости и прецедентной актуализации. Автор блестяще демонстрирует механизмы «мягкой силы» (неимпозитивности), используя солидную доказательную базу, представленную большим количеством микроконтекстов, а перечень тактик (особенно апофтегмация и метапрагматический контроль) свидетельствует о глубоком проникновении в речевую ткань дискурса.

Положение 5 доказывается И. В. Манаевой в разделе 2.3, где автор убедительно демонстрирует двухвекторную направленность лозунговых форм – ретротопичность (имитация советского лозунга, использование

клише и прецедентных феноменов) и протопичность (проспекция результатов и взятие обязательств) (с. 163–175). Полагаем, что введение оппозиции *ретротопия* vs *протопия* является теоретически значимым открытием диссертационного исследования. Автор убедительно показывает, как советское наследие («ретро») конвертируется в обещание будущего («прото»), что создает мощный суггестивный эффект; анализ перформативности лозунга («обещание как действие») методологически выверен.

В Заключении автор приводит основные результаты исследования и формулирует наиболее релевантные выводы, определяя мотивационный институциональный профсоюзный дискурс как специфическое потребностно детерминированное когниоречевое пространство трансляции доминантной цели «объединение».

Как всякая самостоятельная серьёзная работа, диссертация Ирины Валерьевны Манаевой вызывает не только интерес, но и вопросы и замечания (часть из которых представлены выше), чаще имеющие уточняющий характер.

1. В работе утверждается, что «мотивационный профсоюзный дискурс можно считать не просто институциональным, но институциогенным — создающим сам социальный институт профессионального объединения» (с. 32). Не могли бы Вы пояснить, каким образом дискурсивные практики конституируют социальный институт, и можно ли провести эмпирическую верификацию этого тезиса вне рамок лингвистического анализа?

2. Автор выделяет шесть базовых механизмов интимизации коллективных потребностей (с. 74–80). Насколько эти механизмы универсальны для разных профессиональных групп (образование, здравоохранение, промышленность), и в какой степени они детерминированы спецификой именно педагогического дискурса, составившего основу эмпирического материала?

3. В работе обоснованно утверждается, что «неимпозитивные тактики» обладают более высоким мотивационным потенциалом по сравнению с импозитивными (с. 124–125). Не противоречит ли это исходному тезису о том, что мотивационный дискурс профсоюзной работы «стремится к полной нивелировке» импозитивности (с. 27)? Как соотносятся импозитивные и неимпозитивные тактики в реальной коммуникативной практике – являются ли они взаимоисключающими или могут эффективно сочетаться в рамках одного высказывания?

4. Отдельные моменты, связанные с презентацией данных практического исследования, не позволяют сформировать полное представление об использованных методиках и процедуре исследования. Полагаем, что в представленной диссертации недостаточно раскрыта процедура формирования и проверки корпуса. Во введении указаны более 2 000 текстов и более 90 000 микроконтекстов (с. 9), тогда как в § 2.1 описан первичный массив из 31 834 публикаций (с. 94–95). Эти показатели могут относиться к разным этапам отбора, однако их соотношение необходимо явно объяснить. Кроме того, требуются точные временные границы, единицы учёта, критерии включения и исключения, порядок удаления дублей и обработки комментариев; для воспроизведения кластеризации методом k-средних следует раскрыть представление текстов, обоснование числа кластеров и проверку их устойчивости. Описание правил отнесения микроконтекстов к тактикам и проверки согласованности разметки также нуждается в конкретизации.

5. Термин «стратегемно-тактический» вынесен в название, тогда как предмет и цель описаны через стратегии, тактики и речевые акты. Следует пояснить, совпадают ли «стратегема» и «стратегия», и показать правила разграничения и сочетания тактик на одном развёрнутом примере. Во введении ставится задача доказать доминирование потребностей «экзистенциального» характера, а гипотеза выдвигает высшие социальные и самоактуализационные потребности; в § 1.4 экзистенциальные потребности

уже противопоставляются социальным как базовые. Необходимо закрепить единое значение терминов и согласовать его с задачами и выводами. Это позволило бы, на наш взгляд, точнее определить, какие именно потребности рассматриваются как ведущие и по каким признакам.

Высказанные замечания и поставленные вопросы не умаляют достоинств выполненного диссертационного исследования, не снижают его общей научной ценности и не влияют на главные теоретические и практические результаты.

Результаты исследования прошли необходимую апробацию на международных научно-практических конференциях и семинарах, по материалам исследования опубликовано достаточное количество статей, в том числе 4 статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Публикации по теме диссертации раскрывают положения, выносимые на защиту. Тематика работы соответствует направлениям исследования дискурса, прагматики, корпусной лингвистики и речевого воздействия, обозначенным в пунктах 9, 11, 23 и 25 паспорта специальности 5.9.8 «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика».

Значимыми для науки являются следующие результаты, полученные автором диссертации: разработана и апробирована многоуровневая методика интегративного анализа дискурсивных формаций, включающая корпусные, компьютерно-лингвистические и дискурсивно-модусные процедуры. Автором впервые выявлены механизмы конвергенции и определен прагматический потенциал импозитивных и неимпозитивных стратегий рассматриваемой дискурсивной формации; выявлены и описаны дуальные проявления аллюзивности ретропийного и протопийного характера.

Всё сказанное позволяет заключить, что автореферат и публикации полностью отражают содержание диссертации. В целом диссертация Манаевой Ирины Валерьевны «Стратегемно-тактическая и речеактовая специфика мотивационного профсоюзного дискурса» является

ФГБОУ ВО «КемГУ»
Отдел кадров УРП

Подпись заверяю *Редотенко И.В.*
И.В. Редотенко
Должность *Директор* *И.В.*

mail.ru
«07» 09

Министерство образования и науки
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемский государственный университет имени А.М. Горького»
Исх. № 002-02/2019
2019

Подпись по работе
Исх. № 002-02/2019
2019

Министерство образования и науки
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемский государственный университет имени А.М. Горького»
Исх. № 002-02/2019
2019